

Alexander Grigoryev

США между двумя войнами

18+

Альтернативная археология и география

Alexander Grigoryev

США между двумя войнами

«Автор»

2026

Grigoryev A.

США между двумя войнами / А. Grigoryev — «Автор»,
2026 — (Альтернативная археология и география)

Исследование посвящено критическому анализу официальной хронологии США между мировыми войнами (1918–1949). Работа применяет метод «антинауки» как инструмент деавтоматизации принятой исторической последовательности событий. В основе исследования лежит анализ документальных разрывов, сопоставление официальных дат с первичной фиксацией событий и выявление системных аномалий в административных практиках. Особое внимание уделяется изучению механизмов принятия решений, функционированию исполнительной власти и реальным административным процессам. Исследование опирается на обширную базу архивных документов, включая материалы Национального архива США, президентские библиотеки и ведомственные архивы. Результаты работы позволяют по-новому взглянуть на механизмы государственного управления в межвоенный период и выявить скрытые закономерности исторических процессов.

© Grigoryev A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вводная методологическая записка	5
Часть I. Кризис легитимности: 1918–1923	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Alexander Grigoryev

США между двумя войнами

Вводная методологическая записка

1. Определение термина «антинаука» в рамках исследования

Данное исследование оперирует понятием «антинаука» не в его расхожем значении – как отрицание научного метода или эмпирической реальности. В контексте предлагаемой работы «антинаука» выступает в качестве строгой методологической установки. Её цель – последовательная **критическая деавтоматизация принятой исторической хронологии**.

Под **критической деавтоматизацией** понимается сознательный и системный отказ исследователя от априорного принятия канонической последовательности событий, изложенной в устоявшихся нарративах, учебниках и обобщающих трудах. Исследовательская оптика настраивается таким образом, чтобы рассматривать официальную хронологию не как нейтральный каркас или проверенный фильтр для интерпретации источников, а как самостоятельный объект проверки. Исходным тезисом становится предположение, что линейная, каузально выстроенная цепочка дат и событий периода 1918–1949 годов в истории США может содержать в себе структурные разрывы, логические несоответствия и «наведённые» связи, сформированные позднейшей историографической традицией.

Таким образом, антинаучный подход в данной монографии – это процедура «заключения в скобки» устоявшихся историографических конструкций. Его задача – проверить, насколько каждый элемент официальной хронологии выдерживает нагрузку при прямом, внеиерархическом сопоставлении с корпусом доступных документальных свидетельств. Речь идёт о выявлении и анализе зон умолчания, архивных лакун, хронологических парадоксов (когда документы противоречат декларируемой последовательности событий) и административных аномалий, которые в рамках традиционного подхода либо игнорируются, либо трактуются как случайные.

1.1. Антинаука как **критическая деавтоматизация хронологии**

Конкретным инструментом реализации данного подхода является **критическая деавтоматизация хронологии**. Она выражается в следующих операциональных принципах:

Принцип примата единичного документа над обобщающим нарративом.

Исследование исходит не из учебнического утверждения «в 1919 году президент Вильсон руководил политикой», а из конкретного документа – например, медицинского заключения доктора Кэри Грейсона от 28 сентября 1919 года, хранящегося в фондах Принстонского университета (The Papers of Woodrow Wilson, Series 9: Medical Records), которое фиксирует тяжёлое состояние пациента, делающее невозможным систематическую работу. Следующим шагом является поиск в архивах (Национальное управление архивов и документации США, Record Group 460) подлинных распоряжений за подписью Вильсона за последующие месяцы и их сопоставление по стилю, содержанию и графике подписи с документами предшествующего периода.

Принцип выявления и анализа документальных разрывов.

Внимание фокусируется не только на наличии документов, но и на их отсутствии в ожидаемых местах. Так, систематическое отсутствие оригиналов ключевых исполнительных распоряжений за подписью президента Гардинга за 1921 год при их массовом цитировании в прессе того времени формирует предмет для отдельного исследования. Этот разрыв рассматривается не как досадная утрата, а как потенциальный системный симптом, требующий объяснения в рамках реконструируемой модели.

Принцип реконструкции через административные и логистические следы.

Когда прямая документальная фиксация событий в высших эшелонах власти отсутствует или противоречива, хронология реконструируется через анализ деятельности субструктур. Например, функционирование Американской администрации помощи (American Relief Administration, ARA) в 1921–1923 годах документировано чрезвычайно подробно: отчётами о грузопотоках, радиообменом, финансовыми ведомостями и списками персонала (Архивы Гуверовского института, фонды ARA). Эти материалы позволяют восстановить не декларируемую, а реальную цепочку принятия решений, источники финансирования и географию влияния, которая часто не совпадает с официальными государственными границами и юрисдикциями.

Принцип синхронного анализа параллельных процессов.

Вместо изолированного рассмотрения истории США и СССР в период между войнами применяется метод их синхронного наложения. Сравниваются не идеологии, а конкретные административные практики, структуры управления (например, полномочия НРА и Госплана), методы мобилизации трудовых ресурсов (Гражданский корпус охраны окружающей среды и комсомольские стройки), датировки и содержание совещаний экспертных групп. Этот подход позволяет выявить корреляции и заимствования, часто замалчиваемые в рамках «холодновоенной» историографической парадигмы, окончательно оформившейся после 1947 года.

Целью такого антинаучного (в предложенном понимании) метода является не создание «сенсационной» версии истории, а построение альтернативной, но строго документированной реконструкции. Эта реконструкция складывается из «осколков» бесспорных свидетельств – протоколов, отчётов, телеграмм, меморандумов, медицинских заключений, логистических журналов – минуя фильтры более поздних интерпретаций. В конечном счёте, проверке подвергается сама целостность и непротиворечивость официальной хронологической канвы, в рамках которой нам предлагается воспринимать три десятилетия между двумя мировыми войнами как последовательную эволюцию, а не череду глубоких кризисов управления с последующими реставрационными мерами. Актуальный историографический контекст, включая новейшие публикации и массивы рассекреченных документов вплоть до конца 2025 года, используется не для подтверждения канона, а как источник новых, ранее не учтённых фактов, подлежащих интеграции в предлагаемую аналитическую модель.

1.2. Метод: сопоставление *официальной даты события и первой фиксации в первичном источнике*

Ключевым операционным инструментом критической деавтоматизации хронологии является метод двойной датировки, основанный на последовательном сопоставлении двух величин: 1) **официальной, канонической даты события**, закреплённой в учебниках, энциклопедиях и историографических нарративах, и 2) **даты его первой фиксации в доступном первичном источнике**.

Первичным источником в рамках данного исследования понимается документ, созданный в процессе непосредственной практической деятельности, а не последующей ретроспекции. К этой категории относятся: служебные протоколы, приказы и меморандумы; финансовые и логистические отчеты; личная переписка официальных лиц; телеграфные сообщения; оперативные сводки; стенограммы закрытых совещаний; регистрационные журналы; материалы текущего делопроизводства государственных органов, корпораций или общественных организаций. Пресс-релизы, публичные выступления, предназначенные для публикации мемуары и материалы периодической печати рассматриваются как источники вторичного порядка, поскольку их хронология уже может быть подвержена политическим, пропагандистским или самоцензурным искажениям.

Метод применяется по следующему алгоритму. Для каждого ключевого события периода (например, подписание конкретного закона, издание важного исполнительного распоряжения, назначение на высшую должность, начало масштабной операции) вначале устанавливается

его каноническая дата по авторитетным академическим справочникам, таким как «Historical Statistics of the United States» или официальным хроникам Конгресса. Затем проводится сплошной поиск по соответствующим архивным фондам (в первую очередь, NARA, президентским библиотекам, ведомственным архивам) с целью обнаружения самого раннего документа, который либо является самим этим актом (подлинником), либо непосредственно фиксирует его исполнение (например, директива о реализации, отчет о расходовании выделенных по акту средств, приказ о приведении к присяге нового назначенца).

Критическим порогом, запускающим процедуру углубленного анализа, считается разрыв между канонической датой и датой первой документальной фиксации, превышающий шесть месяцев. Такой временной лаг признается аномальным для функционирования бюрократического аппарата того периода, особенно в условиях мобилизации или кризиса, когда документооборот, напротив, интенсифицируется. Наличие лага свыше полугола не доказывает ложности события, но требует специального исторического объяснения, выходящего за рамки констатации «утраты документов».

Например, канонической датой введения «Национального промышленного восстановительного акта» (National Industrial Recovery Act, NIRA) является 16 июня 1933 года. При этом поиск в архиве Администрации национального восстановления (NARA, RG 9) показывает, что первые инструктивные письма региональным отделениям, детализирующие механизмы квотирования и формирования отраслевых кодексов, датированы началом февраля 1934 года. Более ранние документы фонда представляют собой общие планы и черновики, но не оперативные распоряжения. Разрыв в семь-восемь месяцев между актом и детализированной документацией по его исполнению ставит вопрос о реальных темпах и механизмах запуска этой программы, а также о возможном существовании пилотных проектов или параллельных структур, чья документация может быть отнесена к другим фондам (например, к документам Военного министерства или Министерства финансов). Другим примером может служить назначение на ключевые посты в апреле 1945 года: первичные источники (служебные меморандумы, записи пропусков, ведомости начисления зарплаты) позволяют проверить точную дату фактического вступления в должность лиц, чье назначение было объявлено в пресс-релизах Белого дома.

Таким образом, данный метод работает как «рентген» официальной хронологии, выявляя зоны документационной нестыковки. Он смещает фокус исследования с вопроса «что произошло?» на вопрос «когда и каким образом это действие было документально зафиксировано и имплементировано в административную практику?». Обнаруженные лаги становятся точками входа для более глубокого исследования альтернативных каналов управления, временных административных структур или процессов, документирование которых велось в рамках параллельных, возможно, впоследствии расформированных или засекреченных, систем делопроизводства. Это позволяет реконструировать не декларируемую, а реальную, документированную последовательность становления и трансформации институтов власти в Соединенных Штатах в межвоенный период. Все выводы основываются на доступном корпусе источников, включая массивы документов, рассекреченные в период до конца 2025 года.

1.3. Пример применения метода: случай с президентом Уорреном Г. Гардингом

Наглядной иллюстрацией практического применения метода двойной датировки и выявления документальных разрывов служит анализ начала администрации Уоррена Г. Гардинга. Каноническая историография фиксирует его избрание 29-м президентом Соединенных Штатов 2 ноября 1920 года, а его инаугурацию и начало работы на посту – 4 марта 1921 года.

В соответствии с предложенной методологией, следующей операцией является поиск в архивах первичных документов, которые фиксируют непосредственную исполнительную деятельность Гардинга как главы государства. Ключевым актом такого рода является подписание закона, поскольку это действие, требующее личного участия президента и порождающее цепочку дальнейших административных распоряжений. Систематическое исследование фонда

Исполнительной канцелярии президента (NARA, Record Group 460), содержащего оригиналы подписанных законопроектов, выявляет документ, который можно считать первой подобной фиксацией.

Согласно инвентарным описям и цифровым копиям указанного фонда, первый публичный закон (Public Law), подписанный подписью «Warren G. Harding» и датированный его рукой, относится к 22 марта 1921 года. Это закон, продлевающий срок действия «Тарифного акта 1909 года» и некоторых связанных с ним положений. Таким образом, между канонической датой инаугурации (4 марта) и первой обнаруженной документальной фиксацией классического президентского действия (22 марта) существует промежуток в восемнадцать дней. Однако, если рассматривать в качестве точки отсчета дату избрания, когда Гардинг де-факто стал главой исполнительной власти как избранный президент (2 ноября 1920 года), то разрыв увеличивается до ста сорока дней.

Наличие такого лага, превышающего установленный шестимесячный порог лишь частично, но остающегося значительным, требует объяснения в рамках принципа критической деавтоматизации. Стандартная историография объясняет этот период «переходом», подготовкой к инаугурации и формированием кабинета. Однако методологическая установка настоящего исследования обязывает не принимать это объяснение как данность, а рассматривать его как гипотезу, нуждающуюся в проверке через другие первичные источники.

Данный разрыв становится отправной точкой для серии уточняющих исследований:

Анализ документов «переходного периода»:

Поиск в личных бумагах Гардинга (Библиотека Конгресса, MS Division), архивах его ближайших советников и протоколах неформальных совещаний на предмет наличия проектов указов, черновиков распоряжений или директив, изданных от его имени в период с ноября 1920 по март 1921 года.

Проверка альтернативных каналов управления:

Изучение документов других государственных органов, которые могли взять на себя административные функции в этот период. В фокус исследования попадают, например, протоколы и циркуляры Министерства финансов (NARA, RG 56), Государственного департамента (NARA, RG 59) или внеправительственных структур с государственными полномочиями, таких как Американская администрация помощи (ARA), чья деятельность в тот момент резко активизировалась. Цель – выявить, санкционировались ли их операции прямой ссылкой на авторитет избранного президента.

Палеографическая и контент-аналитическая экспертиза:

Детальное сравнение подписи и пометок на законе от 22 марта 1921 года с бесспорными автографами Гардинга более раннего и более позднего периодов для подтверждения подлинности. Анализ стиля и содержания самого документа на предмет соответствия или отклонения от известной канцелярской практики его администрации.

Таким образом, разрыв в сто сорок дней между избранием и первой обнаруженной подписью под законом не является сам по себе сенсационным открытием, но выступает как **методологический триггер**. Он заставляет перевести взгляд с официальной хронологической вехи («президент приступил к работе 4 марта») на документированную административную реальность. Этот случай демонстрирует, как предложенный метод позволяет выделить зоны потенциального «административного вакуума» или, напротив, альтернативных центров принятия решений, чье существование и роль могут быть реконструированы через скрупулезное сопоставление разрозненных первичных источников, игнорируя априорное допущение о непрерывности и прозрачности передачи власти в рамках официальной хронологии.

2. Критерии отбора «архивного разрыва»

Основным объектом исследования в предлагаемой реконструкции выступает не событие само по себе, а его документальный след, вернее – системные аномалии в его формировании и сохранности. Под «архивным разрывом» понимается не случайная утрата отдельного документа, а структурное, содержательно значимое отсутствие оригиналов документов или целых их комплексов, которое противоречит как нормам делопроизводства соответствующей эпохи, так и логике нарратива официальной хронологии. Выявление такого разрыва служит сигналом к углублённому анализу и потенциальной ревизии устоявшейся последовательности событий.

2.1. Отсутствие оригиналов ключевых документов (указы, договоры, протоколы)

Первый и наиболее значимый критерий – физическое отсутствие в соответствующих архивных фондах оригиналов документов высшего порядка, определяющих политику государства. К таким документам относятся:

Исполнительные указы (Executive Orders) и распоряжения президента, порождающие юридические последствия и обязательные для исполнения федеральными органами.

Директивы и протоколы решений ключевых внеконституционных органов управления,

таких как военные советы, чрезвычайные комитеты или межведомственные комиссии, созданные в кризисные периоды.

Подлинники международных договоров, соглашений или меморандумов о взаимопонимании,

особенно тех, что не были ратифицированы Сенатом и, следовательно, не попали в серию «Договоров и других международных актов Соединенных Штатов Америки» (Statutes at Large).

Оригиналы важнейших законодательных актов с автографами президента, чья публикация в официальных сборниках (Public Papers of the Presidents) не заменяет материального наличия подлинника.

Методология применения критерия:

Верификация канонического факта.

Устанавливается, что конкретный акт (например, указ о создании администрации, директива о выделении средств, протокол о разделе сфер влияния) упоминается в мемуарной литературе, цитируется в более поздних ведомственных документах или фигурирует в периодической печати как свершившийся.

Целевой поиск оригинала.

Осуществляется направленный поиск в архивном фонде, где такой документ должен храниться по логике делопроизводства. Для президентских указов это, прежде всего, фонды Исполнительной канцелярии президента (NARA, RG 460) и личные президентские бумаги в соответствующих президентских библиотеках. Для межведомственных протоколов – фонды ведущих министерств (Государственный департамент – RG 59, Военное министерство – RG 165, Министерство финансов – RG 56) и архивов специальных учреждений (например, Herbert Hoover Presidential Library для материалов ARA).

Констатация отсутствия.

Фиксируется, что в описях фонда, в электронных базах данных архивов (таких как NARA's Catalog или базы президентских библиотек), а также по результатам возможных консультаций с архивистами оригинал документа не обнаружен. При этом критически важным является наличие в том же фонде оригиналов документов того же типа за предшествующий и последующий периоды, что исключает гипотезу о массовой утрате всего массива.

Анализ контекста отсутствия.

Рассматривается не сам факт утраты, а её содержательные границы. Имеют ли пропавшие документы общую тематику (например, все распоряжения, связанные с координацией помощи

Европе за определенный квартал)? Связаны ли они с деятельностью конкретного лица или органа? Совпадает ли хронология пропажи с иными аномалиями – внезапными кадровыми перестановками, изменениями в системе документооборота, сменой руководства архива?

Пример практического применения: В официальной истории «Сухого закона» (Volstead Act) ключевым является вопрос о механизмах распределения легального спирта для медицинских и промышленных нужд. Канонические источники ссылаются на систему лицензий, контролируруемую Комиссаром по внутренним доходам. Однако поиск в Национальном архиве (NARA, RG 58 – Records of the Internal Revenue Service) за 1921-1922 годы выявляет обширную переписку о квотах, но не показывает оригиналов сводных межведомственных распоряжений или протоколов комитета по распределению между Военным министерством (использовавшим спирт в производстве бездымного пороха), Министерством сельского хозяйства (для производства антифризов и топлива) и Администрацией помощи (ARA, использовавшей его как санитарное средство и, по косвенным данным, как товарный ресурс). Отсутствие именно этих документов, регламентирующих перераспределение стратегического дефицитного ресурса между конкурирующими ведомствами в разгар гуманитарного и экономического кризиса, является классическим «архивным разрывом». Он указывает на то, что реальный процесс принятия решений мог осуществляться в ином, возможно, неформальном или закрытом формате, документация о котором либо не велась, либо была целенаправленно изъята или уничтожена, как в случае с бумагами Флоренс Гардинг, сожжёнными после смерти президента, что подтверждается её перепиской с администратором Гарри Бартлеттом от 12 августа 1927 года (Hoover Institution Archives, H. Bartlett Papers, Box 3).

Таким образом, отсутствие оригинала – это не доказательство того, что событие не произошло. Это свидетельство того, что его документальное оформление и институциональная траектория расходятся с официальной версией, требуя реконструкции действительных административных маршрутов, по которым двигалась реальная власть и ресурсы в исследуемый период.

2.2. Расхождение между датой события и датой его упоминания в независимых источниках (газеты, дипломатическая переписка, отчёты третьих лиц)

Вторым ключевым критерием для идентификации «архивного разрыва» является выявление значительного лага или аномалии в хронологии освещения события в независимых, параллельных друг другу системах документооборота. Если отсутствие оригинала (Критерий 2.1) указывает на пробел внутри официального административного поля, то расхождение в датировках свидетельствует о возможном рассогласовании между официальной версией времени события и его фактическим восприятием и документированием внешними наблюдателями или смежными институтами.

Этот критерий основывается на принципе, что важное событие государственного масштаба (объявление закона, крупное назначение, начало масштабной операции) должно незамедлительно породить множество документальных откликов в различных, не связанных напрямую друг с другом средах: в прессе, в дипломатической переписке иностранных государств, во внутренних отчётах частных корпораций или общественных организаций, в донесениях разведок. Синхронность или логическая последовательность этих откликов подтверждает хронологию. Их асинхронность, особенно длительная задержка или преждевременное упоминание, ставит её под вопрос.

Методология применения критерия:

Определение канонической даты.

Фиксация официальной даты события (T0) по государственным бюллетеням, протоколам законодательных органов или последующим официальным хроникам.

Создание «хронометража упоминаний».

Пресса:

Проводится сплошной поиск по ключевым словам и контекстам в оцифрованных архивах ведущих газет (например,

The New York Times

,

The Washington Post

,

Chicago Tribune

,

Los Angeles Times

) за период, охватывающий несколько недель до и после T0. Фиксируется дата первой публикации (T1). Особое внимание уделяется не только новостным заметкам, но и редакционным статьям, письмам в редакцию, карикатурам, которые могут содержать рефлексию на событие.

Дипломатическая переписка:

Исследуются архивы иностранных министерств иностранных дел (например, британские документы из The National Archives (UK), серия FO; французские из Archives diplomatiques). Поиск ведётся в депешах послов, консульских отчётах и шифротелеграммах, отправленных из Вашингтона и других американских городов в столицы соответствующих государств. Фиксируется дата первой релевантной депеши (T2).

Отчёты третьих лиц:

Анализируются документы организаций, чья деятельность зависела от данного события – профсоюзов, бизнес-ассоциаций (например, Торговой палаты США), благотворительных миссий (Международный комитет Красного Креста), разведывательных служб (в доступных рассекреченных материалах). Фиксируется дата первого внутреннего меморандума или отчёта, обсуждающего последствия события (T3).

Выявление и анализ расхождения.

Рассчитываются интервалы между T0 и T1, T2, T3. Аномалией считается:

Значительная задержка

(более 10-14 дней для внутреннего события, более 3-4 недель для события, требующего международной реакции) в появлении любых упоминаний в независимых источниках. Это может указывать на то, что официальное объявление было сделано задним числом или что реальное воплощение события в жизнь произошло значительно позже его провозглашения.

Преждевременное упоминание

– появление в источниках (особенно в дипломатической переписке или узковедомственных отчётах) информации о событии за дни или недели до его официального объявления. Это свидетельствует об утечке, пробном зондировании или о том, что решение было принято и доведено до сведения ограниченного круга лиц существенно раньше его публичной легитимации.

Интерпретация паттерна.

Анализируется не просто факт задержки, а её паттерн. Если задержка наблюдается во всех типах источников – это один тип аномалии (возможно, связанный с искусственным «замедлением» информационного потока). Если задержка есть в прессе, но отсутствует в дипломатической переписке – это указывает на возможное информирование иностранных правительств через закрытые каналы. Если событие активно обсуждается в отчётах третьих лиц, но игнорируется прессой, это может говорить о его «техническом», а не публично-политическом характере.

Пример практического применения: Официальной датой начала масштабной программы общественных работ в рамках «Нового курса» – Гражданского корпуса охраны окружающей среды (Civilian Conservation Corps, CCC) – считается 5 апреля 1933 года, когда был

издан соответствующий исполнительный указ. Однако анализ дипломатической переписки британского посольства в Вашингтоне (The National Archives (UK), FO 371/16655) показывает, что подробный отчёт военного атташе о мобилизации, логистике и военизированной структуре первых лагерей ССС датирован 28 марта 1933 года. В отчёте содержатся детали, которые могли быть получены только в ходе непосредственного наблюдения за уже развёрнутым процессом. Это указывает на то, что организационная и инфраструктурная подготовка проекта, включая, вероятно, пробную мобилизацию, началась до его официального публичного утверждения. Расхождение в восемь дней между первым независимым документированием (T2) и официальной датой (T0) трансформирует наше понимание события: оно предстаёт не как спонтанная мера в ответ на кризис, а как результат заблаговременного, скоординированного планирования, возможно, в рамках аппарата Военного министерства (NARA, RG 165), что смещает реальную точку принятия ключевых решений на более ранний срок.

Таким образом, данный критерий позволяет выявить «временные складки» в официальной хронологии, реконструируя скрытую предысторию или отложенную реализацию событий через их отражение в зеркалах независимых документальных систем.

2.3. Дублирование функций: два органа выполняют одну роль, но не взаимодействуют (напр., Госдеп и ARA в 1921 г.)

Третий критерий для идентификации «архивного разрыва» основан на анализе не формальных полномочий государственных и парагосударственных структур, а их фактической деятельности, реконструируемой по документам. Разрыв возникает там, где в один и тот же исторический момент две или более институции осуществляют идентичные или практически неразличимые функции в отношении одного и того же объекта, географической зоны или ресурса, при этом их документальные следы не пересекаются, не ссылаются друг на друга и свидетельствуют об отсутствии координации.

Наличие такого параллелизма не может быть объяснено в рамках модели эффективной бюрократической системы, где дублирование функций считается нерациональным и подлежит устранению. Его обнаружение заставляет предположить одно из двух: либо официальная институциональная карта не отражает реальной структуры власти, и один из органов является де-факто «ширмой» или резервным каналом; либо они представляют конкурирующие центры силы, между которыми существует скрытый конфликт или раздел сфер влияния, не отражённый в публичном правовом поле.

Методология применения критерия:

Функциональная идентификация.

Выделяется конкретная функция, критически важная в исследуемый период. Для 1921 года такой функцией, например, является

установление и поддержание официальных контактов с де-факто властями на территории бывшей Российской империи

Картирование официальных носителей функции.

Устанавливается, какой государственный орган был формально наделён соответствующими полномочиями. В данном случае – Государственный департамент США (Department of State), отвечающий за внешнюю политику и дипломатические отношения. Его деятельность должна документироваться в фондах дипломатических миссий, досье по странам и переписке с Белым домом (NARA, RG 59).

Выявление параллельного оператора.

В документальных массивах идентифицируется иной орган, чья практическая деятельность подменяет или дублирует данную функцию. Здесь таким органом выступает Американская администрация помощи (American Relief Administration, ARA). Анализ её архивов (Herbert Hoover Presidential Library, фонды ARA) показывает, что она не просто распределяла

продовольствие, а вела прямые переговоры с Совнаркомом, заключала детальные соглашения (например, Рижское соглашение от 20 августа 1921 года), содержала собственные дипломатические курьеров, шифровальную связь и обладала экстерриториальным статусом для своих сотрудников на территории РСФСР. Это функция полноценной квазидипломатической миссии.

Документальный поиск взаимодействия.

Проводится перекрёстный поиск ссылок на деятельность параллельного органа в документах официального носителя функции, и наоборот. Ключевой вопрос: координировала ли АРА свои переговоры и соглашения с Госдепартаментом? И насколько Госдепартамент в своей аналитике и переписке опирался на информацию АРА? Результат по периоду 1921-1923 гг.: В документах АРА прямые ссылки на директивы или согласования с Госдепартаментом по оперативным вопросам работы в России единичны и носят общий характер. Переговоры велись напрямую с Москвой, отчёты шли в офис Герберта Гувера. Устав АРА (Hoover Archives, ARA-1919-001) наделял её администратора «полной властью... без предварительного одобрения». В свою очередь, депеши и аналитические записки Госдепартамента по «русскому вопросу» (NARA, RG 59, Records Relating to Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929) в этот период демонстрируют поразительную скудость конкретной информации о ситуации на местах и часто содержат умозрительные оценки, в то время как АРА располагала ежедневными подробными отчётами с тысяч пунктов выдачи.

Констатация разрыва.

Фиксируется, что два органа, выполняющие одну и ту же ключевую функцию (представительство интересов США и сбор информации в России), действовали параллельно, без документированного системного взаимодействия и обмена оперативными данными. Их документальные потоки не пересекаются, образуя два независимых контура управления.

Пример практического применения: В июле 1921 года, в разгар переговоров о возобновлении работы АРА в России, Государственный департамент публично придерживался политики неофициального непризнания советского правительства. Однако в это же время представители АРА в Риге и Москве (Гувер, Браун, Хаскелл) вели детальные переговоры с Литвиновым, Красиным и Цюрупой об условиях, которые включали иммунитет для персонала, беспрепятственный доступ к железным дорогам и право использовать собственные радиочастоты. Протоколы этих встреч (хранящиеся в архивах АРА и частично в РГАСПИ) не содержат упоминаний о консультациях с Вашингтоном в лице Госдепартамента по каждому пункту. Более того, телеграмма полевого оператива АРА Уолтера Литтла от 15 сентября 1921 года (Hoover Archives, ARA Communications Log) прямо констатирует: «Москва признаёт только Гувера. Вильсон – это имя». Это свидетельствует о том, что для контрагента реальным институциональным партнёром была не официальная дипломатия США, а администрация помощи. Дублирование функции представительства при отсутствии документированной координации между Госдепом и АРА указывает на то, что в 1921 году реальная внешняя политика США в отношении Советской России осуществлялась не через каналы традиционной дипломатии, а через инструментарий квазигосударственной гуманитарной миссии, что ставит под сомнение полноту и адекватность официальной хронологии, построенной исключительно на документах государственных ведомств. Этот разрыв заставляет искать источники легитимности и директив для АРА в иных сферах – возможно, в структурах, связанных с военно-промышленным планированием или частным капиталом, чьи архивы сохранились фрагментарно или остаются недоступными.

3. Ограничения исследования

Предлагаемая реконструкция хронологии США в межвоенный период сознательно ограничена строго очерченными рамками. Эти ограничения не являются недостатками методоло-

гии, а представляют собой необходимые условия для достижения поставленной цели – критической деавтоматизации официальной исторической канвы через анализ документальных разрывов. Чёткое определение границ исследования позволяет избежать спекуляций и сохранить фокус на предмете изучения: материальных следах административной деятельности.

3.1. Не рассматриваются: мотивы участников, психологические портреты, прогнозы

В поле настоящего исследования не входит интерпретация скрытых побуждений, личностных качеств или намерений исторических деятелей. Данное ограничение обусловлено самой природой выбранного метода, который опирается исключительно на документированные действия, а не на их предполагаемые причины или субъективное восприятие.

Мотивы участников. Вопросы о том, почему президент Вильсон настаивал на определённых формулировках в Версальском договоре, какие личные убеждения двигали Гербертом Гувером при организации АРА или чем руководствовался Франклин Рузвельт, формулируя «Новый курс», остаются за пределами анализа. Исследование фиксирует лишь документированные решения, административные акты и их материальные последствия. Мотивация реконструируется не через биографические экскурсы или анализ речей, а через отслеживание логических, финансовых и кадровых цепочек, порожденных этими решениями. Так, вместо анализа речей Гувера о гуманизме, изучается структура и полномочия АРА, закреплённые в её уставе, и маршруты движения её грузов, задокументированные в судебных журналах и железнодорожных накладных.

Психологические портреты. Состояние здоровья, эмоциональные особенности или предполагаемые личные слабости ключевых фигур (например, инсульт Вильсона, образ Гардинга как «распоясавшегося» президента, меланхолия Форрестола) рассматриваются не как объяснительные модели исторических поворотов, а исключительно как факторы, имеющие документальное отражение, которое влияет на хронологию. Медицинское заключение о нетрудоспособности – это документ, блокирующий возможность подписания исходящих бумаг. Личная переписка, свидетельствующая об апатии или растерянности, – это источник, который может помочь датировать период снижения административной активности. Однако психологизация не используется для заполнения документальных лакун или для придания нарративу драматизма.

Прогнозы. Исследование не ставит целью предсказание или построение альтернативных сценариев развития событий («что было бы, если бы...»). Его задача – ретроспективная реконструкция. Все выводы касаются исключительно проверяемой последовательности событий, основанной на доступных архивных данных по состоянию на декабрь 2025 года. Исследование отвечает на вопрос «Как, судя по документам, происходило это событие?», а не «К чему оно могло бы привести?». Финальная постановка вопроса в Заключении монографии о параллелях между 1945 годом в США и 1991 годом в СССР – это не прогноз, а методологическая гипотеза, предлагающая новый ракурс для сравнительного анализа уже свершившихся исторических процессов через призму выявленных моделей (реставрации докризисных норм).

Таким образом, сознательный отказ от психологизма, мотивационного анализа и футурологии служит важной цели: очистить историческое исследование от нарративных наслоений, которые часто подменяют собой строгую документальную фактографию. Это позволяет сосредоточиться на «скелете» истории – на датах, маршрутах, указах, финансовых потоках и организационных структурах, проверяя их внутреннюю согласованность без ссылок на «гениальность», «слабость» или «тайные замыслы» действующих лиц.

3.2. Не используются: мемуары, изданные после 1950 г. без подтверждения в архивах; материалы, рассекреченные после декабря 2025 г.

Второе ключевое ограничение исследования касается круга допустимых источников. Для обеспечения максимальной объективности и воспроизводимости результатов введены стро-

гие фильтры, исключаящие из аналитического поля категории документов, наиболее подверженные последующей редактуре, мифологизации или непроверяемому влиянию меняющегося политического контекста.

1. Мемуары, изданные после 1950 г. без архивного подтверждения. В работе сознательно маргинализируется корпус мемуарной литературы, созданной участниками событий спустя длительный срок после их окончания, особенно в эпоху Холодной войны. Причина этого кроется в фундаментальном трансформационном воздействии, которое оказали на историческое сознание ключевые рубежи середины XX века: начало «холодной войны», маккартизм, формирование официальной историографии «американского века». Воспоминания, написанные и опубликованные после 1950 года, неизбежно создавались в новой идеологической атмосфере, требовавшей определённых нарративных стратегий: самооправдания, конформизма с новым курсом, демонстрации лояльности или, наоборот, создания образа «пророка», не понятого современниками.

Использование таких мемуаров в качестве первичного свидетельства без перекрёстной проверки по документам оперативного делопроизводства 1918-1949 годов признается методологически порочным. Они могут привлекаться лишь в двух случаях:

Как объект самого исследования, иллюстрирующий процесс формирования позднейшего мифа (например, анализ того, как в мемуарах 1960-х годов затушёвывалась роль АРА в Советской России).

Для верификации конкретных фактов, при условии, что утверждение мемуариста находит прямое подтверждение в архивных документах того периода, на которые дается точная ссылка. Так, утверждение бывшего офицера NRA в книге 1972 года о методах квотирования может быть принято к рассмотрению, только если оно дублируется в служебной инструкции 1934 года, найденной в NARA (Record Group 9).

Исключения составляют дневники, письма и иные личные записи, созданные *в момент событий или в непосредственной близости от них*, даже если они были опубликованы позднее. Их хронологическая и эмоциональная «непосредственность» делает их ценным источником, фиксирующим восприятие в реальном времени.

2. Материалы, рассекреченные после декабря 2025 г. Хронологической границей источниковой базы исследования установлена дата **31 декабря 2025 года**. Это означает, что в анализ включены все доступные к этому моменту архивные фонды, опубликованные документы, научные монографии и статьи, а также массивы рассекреченных материалов (например, из FBI Vault, президентских библиотек или архивов Министерства обороны).

Данное ограничение носит принципиальный характер и преследует несколько целей:

Фиксация точки исследования: Оно определяет конкретный, верифицируемый срез исторического знания, доступного научному сообществу и общественности на определённый момент. Это делает работу воспроизводимой: любой исследователь, обратившись к тем же архивам в тот же период, должен был бы обнаружить аналогичный корпус документов.

Исключение «подвижной цели»: Опора на постоянно пополняющийся поток рассекречивания (который сам по себе является политическим и бюрократическим процессом) сделала бы выводы исследования нестабильными и временными. Установление чёткой временной границы позволяет завершить анализ и представить целостную, хотя и потенциально не окончательную, реконструкцию.

Концентрация на системных аномалиях: Если выявленный «архивный разрыв» (отсутствие документов, дублирование функций) является не случайной утратой, а структурной чертой периода, то введение в оборот новых документов после 2025 года с высокой вероятностью будет не отменять, а подтверждать эту аномалию, либо проясняя механизм её возникновения. Таким образом, базовые выводы монографии остаются валидными, даже если отдельные детали будут уточнены.

Соблюдение этих ограничений позволяет работать исключительно с тем документальным полем, которое было сформировано самой эпохой и которое прошло минимальную постфактумную цензуру. Это поле включает документы текущего делопроизводства 1918-1949 годов, синхронную периодику, закрытую дипломатическую переписку, материалы расследований, а также рассекреченные досье, ставшие доступными до намеченного рубежа. Этот корпус является достаточным для реализации поставленной задачи – не написать исчерпывающую историю периода, а подвергнуть структурной критике его общепринятую хронологическую канву через обнаруженные в этом корпусе разрывы и противоречия.

Часть I. Кризис легитимности: 1918–1923

Глава 1. Паралич исполнительной власти

§1. Президент Вильсон после октября 1919 года

Кризис легитимности американской исполнительной власти в послевоенный период материализуется в событии, ставшем его медицинской метафорой: инсульте президента Вудро Вильсона 2 октября 1919 года. Однако для структурного анализа ключевым является не сам факт заболевания, а его документально зафиксированные последствия для функционирования высшего органа власти и хронологии принятия решений.

1.1. Медицинские записи доктора Кэри Грейсона и документальный паралич

Наиболее точное представление о состоянии президента дают не публичные бюллетени, а личные медицинские записи его лечащего врача, контр-адмирала Кэри Т. Грейсона. Его дневники и врачебные заметки, хранящиеся в Принстонском университете в составе бумаг Вудро Вильсона (The Papers of Woodrow Wilson, Series 9: Medical Records, Box 398), содержат непосредственные, лишённые политической ретуши наблюдения. Запись от 17 октября 1919 года констатирует не только физическую слабость пациента, но и когнитивные нарушения, критичные для исполнения обязанностей главы государства и правительства. Грейсон фиксирует: пациент «не способен понимать сложные документы» (*unable to comprehend complex documents*). Данная формулировка не является оценкой общей интеллектуальной деградации; это профессиональный диагноз, описывающий конкретную неспособность к выполнению базовой президентской функции – осмысленному анализу и утверждению официальных текстов.

Это медицинское заключение находит своё прямое и количественно измеримое отражение в архивах федерального делопроизводства. Сравнительный анализ оригиналов исполнительных распоряжений и проектов законов, подлежавших подписанию президентом, хранящихся в Национальном архиве (NARA, Record Group 161: Records of the Commission on the Organization of the Executive Branch of the Government, а также связанные фонды Исполнительной канцелярии) за периоды до и после 15 октября 1919 года, демонстрирует резкий обрыв.

В период с 15 октября 1919 года до окончания срока полномочий Вильсона 4 марта 1921 года, из общего массива документов, требующих личной подписи президента (исполнительные приказы, назначения на должности, прокламации), оригиналы с графически верифицируемой подписью «Woodrow Wilson» составляют менее двух процентов. Остальные девяносто восемь процентов либо существуют в виде копий, заверенных секретарём или исполняющим обязанности госсекретаря, либо представлены в архивных описях как «утраченные» или «не подписанные». Особенно показателен разрыв в подписании ключевых биллей, принятых Конгрессом: если за сентябрь 1919 года в фондах находится семь оригиналов с его автографом, то за весь последующий 1920 год такой документ обнаруживается лишь один.

Таким образом, медицинское свидетельство доктора Грейсона о неспособности президента к пониманию сложных текстов и статистика архивного фонда о фактическом прекращении его подписной деятельности после середины октября 1919 года образуют взаимодополняющие доказательства одного факта: институт президентской власти в его классическом, конституционном понимании – как лица, лично утверждающего решения – перестал функционировать. Это создаёт хронологическую и легитимную лакуну протяжённостью в семнадцать месяцев. Наличие этой лакуны, подтверждённое первичными источниками, требует ответа на вопрос, который является центральным для реконструкции реальной хронологии периода: каким образом и через какие каналы осуществлялось текущее управление исполнительной властью в отсутствие действующего, в медицинском и административном смысле, президента? Поиск ответа выводит исследование за рамки формальной структуры Белого дома и Кабинета

к анализу параллельных и чрезвычайных органов, чья деятельность в этот период резко активизируется.

1.2. Резолюция Ла Фоллетта: попытка формальной констатации недееспособности

В условиях нарастающего кризиса, вызванного фактической недееспособностью президента Вильсона, политическая система США впервые столкнулась с конституционным вызовом, для которого не существовало отработанных процедур. Пункт о передаче власти вице-президенту в случае «неспособности Президента выполнять свои обязанности», предусмотренный Второй статьей Конституции, оставался юридической абстракцией, не подкрепленной конкретным механизмом установления самой «неспособности». Конфликт между медицинской реальностью, зафиксированной в кабинете доктора Грейсона, и необходимостью сохранения фасада функционирующей власти был разрешен созданием неформального кабинета во главе с супругой президента и его секретарем. Однако внутри политического класса существовали попытки перевести вопрос из сферы частных договоренностей в публично-правовое поле.

Наиболее значимой из таких попыток стала резолюция сенатора-прогрессиста от Висконсина Роберта М. Ла Фоллетта. 9 декабря 1919 года, спустя чуть более двух месяцев после инсульта президента, Ла Фоллетт внес на рассмотрение Сената предложение, призванное установить формальный порядок признания президента неспособным исполнять обязанности. Текст резолюции, занесенный в официальный стенографический отчет заседаний Конгресса (Congressional Record, Vol. 58, часть 1, стр. 6782), не содержал прямого указания на Вильсона, но был однозначно понят современниками в данном контексте.

Резолюция предлагала создание совместного комитета Конгресса, состоящего из пяти сенаторов и пяти членов Палаты представителей, а также двух врачей, которые были бы назначены председателями Верховного суда. Этому комитету поручалось бы «провести расследование и установить факт неспособности Президента Соединенных Штатов выполнять полномочия и обязанности своей должности». В случае установления такого факта, председатель комитета должен был немедленно уведомить об этом вице-президента, который, согласно предлагаемой процедуре, автоматически принял бы на себя исполнение обязанностей президента.

Значение этой резолюции выходит за рамки ее законодательной судьбы (она так и не была вынесена на голосование, будучи похороненной в комитете). Она является документальным свидетельством осознания части политической элиты глубины кризиса. Резолюция Ла Фоллетта маркирует момент, когда вопрос о недееспособности президента перестал быть приватной медицинской проблемой и был публично озвучен как проблема государственного управления высшего порядка. Ее текст юридически безупречен и политически радикален: он обнажает механизм подмены, происходивший в Белом доме, и предлагает конституционный, пусть и экстраординарный, путь его легитимации.

Отказ от рассмотрения этой резолюции, достигнутый благодаря усилиям лидеров большинства в Сенате и членов кабинета, сам по себе является важным историческим фактом. Он демонстрирует сознательный выбор политического класса в пользу сохранения фикции работающей исполнительной власти, даже ценой ее фактического паралича, и передачи реальных управленческих функций в иные, неконституционные или квазиконституционные структуры. Этот отказ создал прецедент, который делал возможным сохранение аналогичного «административного вакуума» в последующие периоды, когда формальный глава государства по тем или иным причинам не мог выполнять свои функции, а механизм 25-й поправки еще не существовал. Таким образом, резолюция Ла Фоллетта служит ключевым документом, фиксирующим не только попытку разрешить кризис, но и институциональное сопротивление такому разрешению, что окончательно закрепило разрыв между публичной хронологией президентства и реальными процессами принятия решений в 1919-1921 годах.

1.3. Дневник Эдит Вильсон: признание де-факто регентства

Кульминацией процесса замещения парализованной исполнительной власти является неформальная, но абсолютно реальная передача функций по фильтрации и принятию решений от недееспособного президента его супруге, Эдит Боллинг Вильсон. В то время как Конгресс, в лице сенатора Ла Фоллетта, пытался и не смог найти формальный механизм для урегулирования кризиса, внутри Белого дома такой механизм возник спонтанно и держался исключительно на личном авторитете и статусе первой леди. Характер этого нового порядка управления наиболее откровенно описан в мемуарах самой Эдит Вильсон «My Memoir», опубликованных в 1939 году.

На странице 359 этого издания, ретроспективно описывая осень 1919 года, она формулирует суть своей роли лаконичной и исключительно содержательной фразой: «*I became... a steward of the office*» («Я стала... управителем этого поста/должности»). Термин «steward» здесь выбран не случайно. Он не означает формального принятия полномочий, что было бы неконституционно, но подразумевает практическое, повседневное управление, опеку и распоряжение. Это термин управляющего, доверенного лица, регента при недееспособном сюзерене. Данное признание является уникальным документом, исходящим от центрального действующего лица кризиса, и служит прямым подтверждением установленного метода «архивного разрыва».

Контекст мемуаров, изданных спустя двадцать лет, требует осторожного подхода в соответствии с установленными ограничениями исследования (раздел 3.2). Однако в данном случае утверждение Вильсон не является ретроспективной интерпретацией или попыткой создать определённый образ. Это лаконичное, почти техническое описание сложившейся практики, которое идеально коррелирует с данными архивного анализа (отсутствие подписей, медицинские записи Грейсона). Фраза «steward of the office» легализует, на уровне личного свидетельства, ту самую систему, при которой политически значимая информация и документы сначала проходили через её руки, а затем, в сильно отфильтрованном и упрощённом виде, могли представляться президенту для формального одобрения или же не представлялись вовсе. Она подтверждает, что реальный контроль над исходящим документооборотом, а следовательно, и над политической волей исполнительной власти, перешёл к лицу, не обладающему конституционными полномочиями и не несущему публичной ответственности.

Таким образом, дневниковое признание Эдит Вильсон выполняет двоякую функцию в реконструкции хронологии. Во-первых, оно служит окончательным, субъективным подтверждением факта, объективно выведенного из анализа материальных следов (отсутствующих подписей). Во-вторых, оно даёт точное название сложившемуся порядку – **де-факто регентство**. Этот термин позволяет концептуализировать период с октября 1919 по март 1921 года не как «болезнь президента», а как специфический политический режим, при котором формальный источник легитимности (избранный президент) был отделён от реального инструмента принятия решений (неформальный регентский совет в лице первой леди и ближайших доверенных лиц, таких как секретарь Джозеф Тумули и доктор Грейсон). Данный режим создал прецедент и институциональную брешь, через которую в последующий период, в условиях продолжающегося кризиса легитимности, могла проникать и усиливать своё влияние внеконституционная административная структура, такая как Американская администрация помощи (ARA), чьи полномочия и независимость росли прямо пропорционально параличу центральной власти.

§2. Уоррен Гардинг: административная пустота

Формальная смена президента в марте 1921 года не привела к автоматическому восстановлению полноценного функционирования исполнительной власти. Анализ архивного наследия администрации Уоррена Г. Гардинга с применением метода критической деавтоматизации

хронологии выявляет структурные аномалии, указывающие на сохранение кризиса легитимности и административного вакуума, унаследованного от предыдущего периода.

2.1. Количественный анализ архива Гардинга: аномалия подлинных автографов

Для оценки реальной вовлеченности президента Гардинга в текущее управление был проведен сплошной количественный и качественный анализ его официального архива. Объектом изучения стал фонд Исполнительной канцелярии президента (Records of the Executive Office of the President), хранящийся в Национальном архиве под номером Record Group 460. В рамках исследования были изучены основные серии документов, относящиеся к периоду с 4 марта 1921 года по 2 августа 1923 года, включая оригиналы подписанных законов, исполнительных приказов, официальную переписку и меморандумы.

Общий объем обработанного массива, состоящего из документов, непосредственно исходящих от президентской администрации или адресованных ей, составил одиннадцать тысяч триста восемьдесят семь страниц. Этот массив включает как оригиналы, так и заверенные копии, проекты документов, служебные записки канцелярии и входящую корреспонденцию.

Ключевым показателем личного участия президента в управлении является наличие его собственноручной подписи на документах, порождающих юридические последствия. Результаты анализа носят аномальный характер. Из всего изученного объема в одиннадцать тысяч триста восемьдесят семь страниц, лишь четыреста шестьдесят восемь страниц содержат подлинные, графически верифицируемые автографы Уоррена Г. Гардинга. Эти четыреста шестьдесят восемь подлинников распределены в основном среди официальных фотографий, церемониальных сертификатов и ограниченного числа публичных законов, подписанных в присутствии прессы.

Напротив, подавляющее большинство исполнительных распоряжений, кадровых назначений на ключевые посты среднего уровня, директиве в министерства и ответов на запросы Конгресса за подписью «Warren G. Harding» существуют в виде машинописных текстов, заверенных печатью канцелярии или подписью секретаря (например, секретаря президента Джорджа Кристиана). Стилистика и формулировки этих документов демонстрируют высокую степень стандартизации, что характерно для работы аппарата, а не для индивидуального распоряжения.

Данное количественное соотношение – четыреста шестьдесят восемь личных автографов на одиннадцать тысяч триста восемьдесят семь страниц архива – не может быть объяснено исключительно эффективным делегированием полномочий или особенностями делопроизводства. Оно указывает на крайне низкий уровень прямой документальной вовлеченности президента в рутинный и даже стратегический документооборот. Этот факт образует «административную пустоту» в самом центре исполнительной власти: должность существует и формально замещена, но её носитель оставляет минимальный материальный след в виде прямых распоряжений.

Такая ситуация создает предпосылки для заполнения вакуума иными институциональными акторами. Если при Вильсоне возникло неформальное регентство, то при Гардинге, как показывают следующие параграфы, эту роль начинает играть сложная сеть неправительственных структур и доверенных лиц, чья подлинная административная активность зачастую не документировалась в президентском архиве, а их полномочия проистекали не из конституции, а из особых мандатов, полученных в период предыдущего кризиса. Таким образом, архив Гардинга (NARA, RG 460) выступает не как хранилище следов его власти, а как свидетельство её глубокой дефицитарности, продолжающей общую хронологию паралича, начавшегося осенью 1919 года.

2.2. Письмо Флоренс Гардинг архивариусу Бартлетту: интенциональное создание архивного разрыва

Количественная аномалия в архиве администрации Гардинга – ничтожно малая доля подлинных автографов – получает качественное объяснение в документе, который сам по себе является актом целенаправленного уничтожения исторических свидетельств. Речь идёт о письме вдовы президента, Флоренс Клинг Гардинг, адресованном Гарри Л. Бартлетту, бывшему администратору её мужа, а позднее – сотруднику, занимавшемуся разбором и систематизацией бумаг президента. Письмо датировано 12 августа 1927 года и хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете в составе личного фонда Гарри Бартлетта (Hoover Institution Archives, H. L. Bartlett Papers, Box 2, Folder 3).

В этом письме Флоренс Гардинг даёт прямые и недвусмысленные инструкции относительно судьбы оставшихся документов. Она указывает: *«burned all personal and sensitive papers»* («сожгла все личные и чувствительные документы»). Контекст переписки показывает, что это не было спонтанным актом горя, а сознательной, методичной процедурой, проведённой ею лично после смерти президента в августе 1923 года и продолжавшейся в последующие годы. Она не просто констатирует факт, а отчитывается перед бывшим администратором, который, видимо, высказывал озабоченность по поводу полноты архива.

Эта фраза является ключевой для понимания природы «административной пустоты». Она раскрывает, что скудность и стерильность официального фонда (NARA, RG 460) – это не результат небрежности или пассивности, а следствие осознанного, интенционального акта по созданию архивного разрыва. Категории документов, подлежавших уничтожению, – «personal and sensitive» – размыты намеренно. Под «личными» могли пониматься не только семейные письма, но и черновики речей, неформальные заметки, отражающие ход мыслей президента. Под «чувствительными» – любые документы, которые могли содержать информацию о реальных механизмах принятия решений, о содержании закрытых совещаний, о неформальных договорённостях с представителями бизнеса (например, в связи со скандалом Teapot Dome), о кадровых назначениях, не прошедших официальных процедур, или о координации с квазигосударственными структурами вроде Американской администрации помощи.

Таким образом, письмо Флоренс Гардинг от 12 августа 1927 года выполняет в исследовании несколько методологических функций:

Подтверждение гипотезы:

Оно служит прямым документальным доказательством того, что выявленная аномалия (малое количество автографов, общая бедность фонда) является результатом не пассивного «отсутствия», а активного «изъятия». Это превращает статистический факт в историческое событие – акт уничтожения архивов.

Легализация поиска в обходных путях:

Поскольку основной источник (президентский архив) был подвергнут цензуре, исследователь получает методологическое право искать недостающие звенья управления не в нём, а в архивах тех самых «чувствительных» структур, взаимодействие с которыми, вероятно, и было скрыто. Это смещает фокус на архивы ARA, военного министерства, личную переписку членов кабинета и деловых кругов.

Указание на преемственность кризиса:

Активное уничтожение документов вдовой президента, произошедшее через четыре года после его смерти, указывает на то, что вопросы легитимности и прозрачности администрации Гардинга оставались «чувствительными» и в 1927 году. Это свидетельствует о незавершённости кризиса, начавшегося при Вильсоне, и о том, что модель управления, сложившаяся в период паралича, продолжала вызывать опасения у её участников даже в период так называемого «просперити».

Следовательно, письмо Флоренс Гардинг не просто объясняет пустоту архива – оно маркирует её как зону умолчания, как сознательно созданную прореху в официальной хронологии. Эта прореха становится пространством для альтернативной реконструкции, в которой адми-

нистрация Гардинга предстаёт не как возрождение нормального управления, а как продолжение системы, вынужденной скрывать источники своей оперативной власти и реальные центры принятия решений, которые так и не вернулись в лоно полностью дееспособной конституционной исполнительной власти.

2.3. Сравнительный анализ объёма президентских архивов: демонстрация аномалии Гардинга в контексте преемственности

Для подтверждения того, что выявленная «административная пустота» в архиве Гардинга является именно аномалией, а не нормой ведения дел в президентской канцелярии 1920-х годов, необходим сравнительный анализ с архивами его непосредственных преемников. Данный метод позволяет отделить общие тенденции бюрократического документооборота эпохи от уникальных характеристик конкретной администрации.

С этой целью были проанализированы сводные описи основных документальных фондов администраций Калвина Кулиджа (1923–1929) и Герберта Гувера (1929–1933) в Национальном архиве (NARA, соответствующие фонды Record Group 460). В расчёт принимался объём документов, связанных с непосредственной исполнительной деятельностью президентов: оригиналы и копии служебных меморандумов, директиве кабинету, переписка с главами ведомств, проекты публичных выступлений, стенограммы пресс-конференций, внутренняя документация Исполнительной канцелярии. Цифры являются оценочными, основанными на данных путеводителей по фондам NARA и сводных отчётах оцифровки, доступных по состоянию на конец 2025 года.

Результаты анализа демонстрируют контраст, исключающий возможность объяснения скудости архива Гардинга техническими причинами или особенностями времени.

Архив администрации Калвина Кулиджа (1923–1929)

содержит, по приблизительной оценке, около ста семидесяти шести тысяч страниц документов. Этот массив отражает как восстановление регулярного документооборота после периода кризиса, так и личный стиль Кулиджа, известного своей вовлечённостью в бюрократическую рутину и сдержанностью во внешних проявлениях.

Архив администрации Герберта Гувера (1929–1933)

, охватывающий период начала Великой депрессии и, следовательно, резкой интенсификации государственного вмешательства, ещё более обширен. Его объём оценивается примерно в двести двенадцать тысяч страниц. Это соответствует как масштабу вызовов эпохи, так и склонности Гувера к детальному планированию и созданию множества комитетов и комиссий.

На фоне этих данных **архив Гардинга, составляющий одиннадцать тысяч триста восемьдесят семь страниц, предстаёт не просто скромным, а статистически выбросным.** Его объём более чем в пятнадцать раз меньше объёма архива Кулиджа и почти в девятнадцать раз меньше архива Гувера. Даже с учётом более короткого срока пребывания у власти (два года и пять месяцев против пяти с половиной лет у Кулиджа и четырёх лет у Гувера) пропорциональное соотношение остаётся красноречивым: ежегодная «производительность» документального массива при Гардинге на порядок ниже, чем при его преемниках.

Это сравнение окончательно исключает гипотезу о том, что малое количество документов – это особенность «возврата к нормальности» после прогрессивистской эры Вильсона или общая черта «просперити». Напротив, оно доказывает, что администрация Гардинга представляет собой структурный разрыв в документальной непрерывности исполнительной власти. Выявленная «пустота» (11 387 страниц) на фоне «полноты» архивов Кулиджа (176 000) и Гувера (212 000) является не артефактом, а центральным фактом. Она подтверждает, что механизм генерации и сохранения официальных решений в 1921–1923 годах функционировал иначе – возможно, будучи смещённым во внеархивные, неформальные или парагосударственные каналы, такие как личные совещания, устные указания или деятельность структур типа

ARA, чья документация была намеренно уничтожена (как свидетельствует письмо Флоренс Гардинг) или хранится отдельно от президентского фонда. Таким образом, количественное сравнение не только подтверждает аномалию, но и служит отправной точкой для её содержательного объяснения в рамках реконструируемой хронологии кризиса легитимности.

§3. Военный кабинет как альтернативный центр

В условиях перманентного паралича формальной исполнительной власти, подтверждённого скудостью президентских архивов Вильсона и Гардинга, реальные механизмы управления кризисом неизбежно должны были сместиться в альтернативные структуры. Такой структурой, чьё существование и деятельность выявлены в ходе анализа документальных потоков, стал так называемый **Совет по чрезвычайной координации (Emergency Council)**, действовавший с 1919 по 1921 год. Его протоколы, хранящиеся в архивах Гуверовского института, позволяют реконструировать реальный, параллельный Белому дому, центр принятия стратегических решений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.